

ПОЛЕМИКА
DISPUTES

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.
A. A. Shuneiko, I. A. Avdeenko

**ОСКОРБЛЕНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН IV: ОСКОРБЛЕНИЕ
И АГРЕССИЯ – ХАРАКТЕР РЕАКЦИИ**

**INSULT AS A COMMUNICATIVE PHENOMENON IV: INSULT AND AGRESSION –
RESPONSE PATTERN**

Упрощение, оборотничество, концентрация, типизирование, доминирование и сакрализация, как правило, реализуются одномоментно и в совокупности генерируют у адресата коммуникативный и мировоззренческий шок: адресат исключается из числа активных участников коммуникации, а вся инициатива переходит к оскорбителю. Этот шок может быть различной степени длительности и глубины. Мастерство оскорбителя проявляется в умении использовать любое шоковое состояние объекта агрессии. А способность противостоять определяется тем, как быстро оскорбленный может из него выйти. Мгновенный выход гарантирует возможность адекватной действенной реакции. «Зависание», напротив, создает опасность усиления воздействия за счет общих для перечисленных аспектов речевой агрессии следствий. Набор возможных реакций в случае с быстрым выходом из состояния шока и «зависанием» един, но эффективность реакции зависит от ее убедительности, которая в свою очередь обеспечивается осознанностью действий, которая обратно пропорциональна степени погруженности в шоковое состояние.

В результате действия всех факторов даже одна единственная номинация переворачивает представление адресата о мире и его месте в мире с ног на голову. В силу дезориентации он лишается какой бы то ни было поддержки: в нормах, в окружающих, в контексте, в опыте. Если дезориентация произошла в полной мере, она подталкивает адресата к трем способам действий: повтору (ты сам такой), молчанию (мычанию, плачу) и физической расправе. Любое из этих действий устраивает речевого агрессора и обозначает его победу. Наиболее распространенные импульсивные, спонтанные, неподготовленные реакции являются подтверждением того, что человек самим фактом оскорбления оказывается в навязанном представлении о коммуникативной ситуации.

Состояние коммуникативного шока предоставляет агрессору возможность продолжать свои действия, тем самым усугубляя положение оскорбленного. Все сказанное в защиту десемантизируется, коммуникативно обесценивается и превращается не более чем в «вяканье», «гавканье», «мычание» и т.п. Одновременно с этим в сознание адресата речевой агрессии внедряется вопрос: «А может, я и на самом деле такой?». Это повышает степень нестабильности, поскольку мыслительная энергия оттягивается в сторону самоанализа.

Отсутствие какого-либо, пусть даже неадекватного, убедительного ответа на оскорбление ставит оскорбленного вне закона, делает его изгоем. Такое положение запрещает установление с ним коммуникативных контактов. Наиболее показателен в этом отношении дворянский кодекс чести или дуэльный кодекс: нет ответа – значит, ты не достоин собственного имени, а имя, присвоенное оскорбителем, соответствует истине. Отсутствие ответа обозначает согласие с номинацией по принципу: молчание – знак согласия.

Фактом оскорбления человек ставится перед необходимостью доказывать, что он не такой. Причем сделать это – как и принять взвешенное решение о недопустимости никакого ответа – нужно достаточно быстро. Различные социальные образования отмеряют отрезки времени различной длительности, в течение которых должен прозвучать ответ, а при выходе за рамки которых он уже ответом не является. В частности, по воровским понятиям это следует делать немедленно, а в научном, художественном дискурсах ответ на оскорбление может прозвучать спустя годы.

Наличие или отсутствие своевременного ответа, кроме социальных условий, регламентирующих допустимое для него время, зависит от того, способен ли человек преодолеть коммуникативный шок и как быстро он способен это сделать.

Сама речевая агрессия может существовать и быть действенной только в рамках такого представления о мире, где признается чья бы то ни было монополия на истину. Если объект агрессии согласен с таким взглядом на мир, то он оказывается подверженным оскорблению. Если он такого взгляда не признает, то он в принципе не может почувствовать себя оскорбленным, поскольку понимает, что выраженная точка зрения лишь одна из множества других. Какие бы факторы ни вызвали речевую агрессию, всегда есть другие взгляды.

Характер реакции на оскорбление зависит от социальной иерархии. В частности, лицо с более низким, как и с более высоким статусом оскорбить не может, соответственно, и ответа на оскорбление не производится. То есть оскорбить может только равный. Этим определяется нежелание некоторых судей инициировать дела об оскорблениях в их адрес; такие дела, как правило, инициируются судебными приставами. В коммуникации же с равными действует принцип: никто не может отрицать самоидентификацию человека, если же он это делает (словом или действием), то он должен за это ответить.

Таким образом, наличие или отсутствие ответа, а также степень его адекватности определяются социальными, личностными, мировоззренческими, а также иерархическими факторами, каждый из которых диктует свои формальные и содержательные рамки допустимого и необходимого коммуникативного поведения объекта агрессии.

Адекватный ответ нейтрализует факт оскорбления, восстанавливает паритет, возвращает к исходному состоянию, объявляет факт оскорбления не бывшим. После дуэли говорят уже не об оскорблении, а именно о дуэли, даже если дуэль ограничилась скрещением шпаг или была остановлена церемонией примирения. Ответ на оскорбление ритуализируется с разной степенью детализации, но в целом сходно и в дворянском дуэльном кодексе, и «по понятиям», и в бытовой, и в научной, и в политической, и в иных сферах. Так, в политическом дискурсе нота протеста не обязательно приводит к войне, а в бытовой сфере фраза «Пойдем выйдем» по сути является формулой вызова и приводит именно к ритуализованному поединку, а не к банальной драке.

Любой ответ на речевую агрессию адекватен и действенен, если он демонстрирует доминирование в той или иной сфере, поскольку сам факт доминирования обесценивает сказанное перед этим, деактуализирует его, основан на принципе: ты не можешь до меня доплюнуть, собака лает – ветер уносит, не стоит обращать на тебя внимания. Действенность ответа существенно повышается, если отвечающий затрагивает один или несколько аспектов, которыми характеризуется оскорбление. Например, если он сакрализует свой ответ (Да простит тебя господь за слова твои), концентрирует внимание на одной черте (У тебя язык грязный), типизирует оскорбителя (Ты же добрый человек, что с тобой происходит), доминирует (За словами следи) и т.д.

Профессиональным коммуникаторам столкновение с речевой агрессией помогает мобилизовать все свои речевые способности. Тем самым агрессор играет на руку объекту агрессии, обозначая некий центр, создавая точку, которые помогают сделать речь повышено актуальной, образной, эмоциональной, логичной, заразительно азартной и непредсказуемо парадоксальной. Присутствие в ситуации хотя бы потенциального агрессора выполняет для профессионального коммуникатора функцию допинга: он не только молниеносно реагирует на сказанное оппонентом, но и может предвидеть каждый его последующий шаг и перспективу разговора в целом. Профессиональный коммуникатор в такой ситуации знает, что можно сделать, он оказывается в своей тарелке, поэтому потенциальное или реальное столкновение с агрессором в концентрированном виде выявляет его лучшие коммуникативные способности. В этом смысле поведение в условиях речевой агрессии служит стресс-тестом, выявляющим профессионализм коммуникатора. Такой тест может проявить степень профессионализма в широком диапазоне реакций: от состояния коммуникативного ступора до ощущения драйва или эйфории.

Все реакции на оскорбление сводятся к нескольким типам: 1) оценка говорящего (Сам такой, на себя посмотри. Чья бы корова мычала...); 2) оценка информации (Ты не прав. Ты что несешь? Думай, что говоришь! Спасибо на добром слове. Раз я козел, так я и буду поступать как козел. Ты еще не видел какой я козел); 3) игнорирование; 4) оценка себя (Ты кому такое говоришь? Зато я...); 5) оценка ситуации (Не место и не время обсуждать эти вопросы. Тут же люди

ходят. Пойдем выйдем. Я тебя сейчас ударю. Я буду жаловаться! Вы вынуждаете меня вызвать вас на дуэль), в том числе демонстрация ее непонимания (И что теперь? Ты к чему это? Ну и что дальше?); 6) смена темы (Смотри, птичка пролетела...); 7) повторение предшествующего оскорблению действия; 8) физическое действие. Каждый из этих типов представлен разновидностями (с прямым или косвенным выражением; с положительной или отрицательной оценочностью, с задачей стабилизации или обострения, в форме констатации или императива, в различных эмоциональных ключах, с разной степенью напора, с обращением непосредственно к агрессору, группе лиц, к коммуникативному пространству в целом).

Любой тип реакции так или иначе оценивает агрессора, его речь, его картину мира, его состояние, степень его информированности и т.д., но поскольку происходит это прямо или косвенно и с акцентированием различных аспектов, названные типы реакций имеет смысл рассматривать по отдельности.

Оценка говорящего является таким типом реакции, при котором оценке подвергается личность речевого агрессора, опыта общения с ним и тем самым агрессор постфактум лишается права давать оценки вообще или в данной ситуации. Поэтому сама оскорбительная оценка лишается авторитетного источника, обесмысливается, повисает в воздухе, объявляется незначительной или приравнивается к коммуникативному шуму, на который не следует обращать внимания. Такое лишение права может быть общим, когда личность агрессора оценивается в целом, безотносительно к ситуации (Ты дурак. Ты такой догадливый. Ты большой оригинал. Сначала научись грамотно говорить. Ты по понедельникам на всех кидаешься), локальным, когда оценивается ситуативное состояние агрессора (Ты не в себе. Ты пьян. На тебя луна дурно влияет), или гипотетическим, при котором выдвигается предположение относительно целей, мотивов поведения агрессора (Ты хочешь меня обидеть. Я знаю, почему ты так говоришь. Ты, наверное, на солнце перегрелся). С помощью оценки говорящего производятся разные виды диагностики причин или личностных мотивов агрессивного высказывания. Таким образом, демонстрируется контроль над ситуацией и регулируется характер ее восприятия, восстанавливается баланс между внутренним и внешним образом человека. Действенность такой реакции обусловлена тем, что агрессия, выраженная человеком, возвращается к нему бумерангом: коммуникативные эффекты агрессии концентрируются на самом агрессоре, причем очевидность предшествующей агрессии делает оценку со стороны оскорбленного обоснованной. В классических примерах: Сам дурак! От идиота слышу. На себя посмотри! За слова отвечаешь?

Оценка информации – такой тип реакции, при котором оценке подвергаются сообщаемые в оскорблении сведения и тем самым ее семантика обесценивается в отношении содержательности, новизны, актуальности, правомерности, вероятности, достоверности и т.п. В результате этой информации противопоставляется категории полезности, приравниваясь к шуму, лжи, избыточному дублированию, нечленораздельному бормотанию, бреду, нечеловеческой речи. Оценка могут подвергаться как информация в целом (Полная чушь. Это ложь), так и ее части (Так-то оно так, но в деталях нестыковка. А ты докажи. Неубедительно), а также качество передачи (Да не козел я, не козел, а баран. Я слышал это в другом варианте. И это слишком мягко сказано. Фу, как грубо). В ходе оценки информации может производиться анализ ее происхождения (Я знаю, откуда у этого ноги растут), трансформации (В первоначальном варианте было не так. Не мент позорный, а мент поганый, волк позорный), полноты (Не все ты сказал), степени искажения (Поешь с другого голоса, так хоть слов не путай). Таким образом, демонстрируется не только контроль над ситуацией, но и осведомленность в широком контексте, способность воспринимать сказанное агрессором с учетом множества факторов. Человек выходит за пределы ситуации, поднимается над ней и утверждает тем самым, что находится выше нее. Действенность такой реакции обусловлена эффектом отстраненности, формальной исключенности личности и оскорбляющего, и оскорбленного из коммуникативной ситуации, в результате которой агрессивное высказывание оказывается предметом объективного, отчужденного рассмотрения вне конкретного контекста. Классические примеры: Поясни! Не выдумывай! Сам-то понял, что сказал? Что за бред?

Игнорирование – такой тип реакции, при котором агрессивное речевое действие остается без какого бы то ни было выраженного ответа: человек внешне не демонстрирует всего набора обязательных реакций, которые предполагает оскорбление, т.е. не впадает в ступор, не проявляет взаимной агрессии, не сбивается с темы и тональности речи, не делает акцентированной паузы, не выражает удивления или негодования. Все эти реакции могут присутствовать у него в ментальном плане, но не имеют внешнего выхода. Человек во всех отношениях продолжает вести себя точно так же, как вел до оскорбления. В результате высказывание речевого агрессора подразумевается отсутствующим, объявляется не бывшим, вычеркивается из истории коммуникативной ситуации. Как следствие, отрицается существование самого агрессора, той его части, которая в данный момент говорит от его имени, или его присутствие в ситуации. Оскорбителя, не замечая, объявляют недостойным внимания, а ценность того, что он говорит, сводится к нулю. Своим поведением потенциально оскорбленный говорит: «Тебя здесь нет или это не ты». Таким образом, демонстрируется абсолютное доминирование в ситуации, право отбора существенного и вычеркивания несущественного, предоставления слова тому или иному участнику коммуникации, утверждается существующая или устанавливается новая иерархия, в соответствии с которой оскорбляемый недосягаем для агрессора и поэтому не может быть оскорбленным в принципе. Ср. замечание, которое делает князь Осип-Юльян Викентьевич Грабе-Горский по поводу своих обидчиков: «<...> а от личного оскорбления я был огражден своим званием» (Басаргин Н. В. Записки. – Красноярск, 1985. – С. 229). Действенность игнорирования обеспечивается тем, что агрессор сам приписывает себе характеристики ничтожества, голос которого не слышен, начинает сомневаться в собственном существовании, продуктивности своих слов, качестве своей речи, возможности осуществлять нормальную коммуникацию и реализовать свои цели. С другой стороны, наблюдателями сам факт оскорбления, не получившего никакого отзыва, воспринимается как проявление должного, закономерного внимания к объекту агрессии. Этот посторонний взгляд либо присутствует, либо предполагается, усиливая тем самым действенность реакции. Любой выраженный ответ предполагает соревнование. Игнорирование ставит жирную точку сразу же после вызова, и в состязание, поскольку оно объявлено агрессором, включаются другие участники по принципу: если ты сказал оскорбительное не конкретному адресату, тогда кому, не мне ли? Возмущения, переданные в коммуникативное пространство, не доходят до адресата (проходят мимо), оказываются не поглощенными (не воспринятыми) конкретным объектом, деллокализуются, утрачивают определенность и возвращаются самому возмутителю со стороны других участников ситуации. Например, если хулиган пытается зацепить прохожего, а тот на него никак не реагирует, окружение самого хулигана начинает издеваться над коммуникативным неудачником: «Да тебя послали! Ну, ты лошара!».

Оценка себя – такой тип реакции, при котором сказанное агрессором дополняется самооценкой объекта оскорбления, перевешивающей отрицающей или уравнивающей оскорбительную информацию. Объект агрессии противопоставляет навязываемому взгляду на себя свой собственный взгляд. Он задает свою собственную, приемлемую для него шкалу оценки. Противопоставление может формулироваться как отрицание (– Ты дурак! / – Я гений!) и как дополнение. Дополнение может быть в параллельном (– Ты дура! / – Зато я натуральная блондинка!) или продолжающем русле (– Ты дурак! / – И еще негодяй, сволочь и козел!). Таким образом ставится под сомнение содержание оскорбительного высказывания и выражается косвенная оценка его автора как человека неадекватного, не владеющего информацией либо владеющего ей не в полной мере. Объект речевой агрессии говорит: «Ты меня не знаешь либо знаешь недостаточно хорошо, а следовательно, твои слова не заслуживают внимания, не могут приниматься в расчет и восприниматься как оскорбительные». В результате объект агрессии показывает, что является умным собеседником, имеющим представление о множестве оценочных шкал, способным рассматривать предметы оценки в их сложности и многомерности, на фоне чего сам агрессор и сказанное им обесценивается, представляется поверхностным, частным и неумным, утрачивает исключительную силу, становясь в открытый ряд других возможных высказываний. Кроме того, такой реакцией человек показывает, что он человек организованный и способен самостоятельно оценивать свои поступки, свое поведение, видеть их негативные и положительные свойства. Действенность такой

реакции обеспечивается отсутствием внешне выраженной взаимной агрессии, на фоне которой речевая агрессия оскорбителя выглядит крайне неуместно. В то время как само оскорбление ориентировано на диктат, выражается в форме прямо или косвенно выраженного безапелляционного утверждения и действенно только в однополярном представлении о мире, оценка себя утверждает возможность различных точек зрения, что подрывает саму основу возможности оскорбления и выгодно смотрится в аспекте демократических идеалов.

Оценка ситуации – тип реакции, при котором акт агрессии объявляется чужеродным по отношению к коммуникативному контексту, не соответствующим месту, времени, составу участников и наблюдателей, теме разговора, нормам ситуативного коммуникативного взаимодействия. Акт агрессии представляется невозможным в таких условиях, а само высказывание представляется как мусор. В результате такой реакции объект агрессии не только дискредитирует агрессора как человека неумного и неадекватного и презентует себя как человека, хорошо ориентирующегося в нормах и правилах приличной коммуникации, но и выступает в качестве защитника других участников, указывая на то, что в их присутствии неадекватное поведение недопустимо, поднимает их над семантикой оскорбления. При этом оскорбленный не отрицает и не утверждает согласия с содержанием высказывания, ссылаясь на независимые ни от кого причины, которые, кроме всего прочего, не позволяют и другим участникам продолжать разговор в русле, заданном актом речевой агрессии. Он ограничивает набор возможных коммуникативных действий всех участников, лишает их возможности поддержать агрессора. Действенность оценки ситуации обусловлена тем, что реагирующий таким образом апеллирует к категориям, внешним по отношению к себе, которые в данный момент ни от кого не зависят, а агрессору и другим участникам не остается ничего иного, нежели принять эту апелляцию. Это парализует коммуникативную деятельность агрессора, поскольку, если она будет продолжена, и сам агрессор, и все участники оказываются перед необходимостью полемизировать, вести борьбу с абстрактными, внеположенными им категориями времени, пространства, социального договора. Они лоб в лоб сталкиваются с неподконтрольными и непонятными им объектами высокого уровня. Агрессивное высказывание тонет в несоизмеримом с ним объеме содержания актуализируемых категорий и полностью обесценивается. Типовые формулы: сейчас не место и не время, это не имеет отношения к разговору, здесь приличные люди, надо уважать окружающих.

Смена темы – такой тип реакции, при котором в ответ на агрессию адресат озвучивает информацию, которая раньше не затрагивалась и которая переводит всех участников в совершенно иной контекст. Это осуществляется без какой бы то ни было мотивации или с мотивировкой, не связанной с сутью оскорбления, не следует из предшествующего разговора и никак с ним не взаимодействует. Тем самым объект агрессии обрывает нить разговора, которая привела к агрессивному высказыванию. При этом весь предшествующий разговор и всё коммуникативное взаимодействие с агрессором объявляются несущественными, необязательными, не заслуживающими в данный момент внимания, не имеющими перспектив развития, лишены продолжения. В общем плане оскорбленный говорит, что в мире есть вещи важнее, чем то, что приводит к агрессии и агрессия как таковая. Поскольку последнее слово в прерванной теме остается за агрессором, на него возлагается ответственность за прекращение ее обсуждения. В то же время реагирующий таким образом коммуникатор сохраняет за собой либо приобретает доминирующую роль, показывает, что именно он определяет, о чем следует или не следует говорить. Косвенная оценка оскорбления как малозначительного события заставляет агрессора испытывать дискомфорт. Кроме того, объект агрессии демонстрирует заботу об эмоциональной стабильности наблюдателей, не давая конфликту разгореться у них на глазах. Начало новой темы не позволяет агрессору продолжать, поскольку продолжение будет выглядеть нелепо, как возврат к прошлому, косвенно объявленному неактуальным.

Повторение предшествующего оскорблению действия как тип реакции состоит в буквальном повторении высказывания, за которым последовало выражение речевой агрессии. При этом не важно, является ли эта фраза поводом или причиной для нее. Предшествующая оскорблению фраза может повторяться с той же интонацией, с интонацией усталости и с интонацией настойчивого

утверждения: в первом случае говорящий вычеркивает оскорбительную фразу из разговора, во втором – выражает сожаление в том, что ему приходится разговаривать с людьми, которым нужно повторять несколько раз, в третьем – показывает, что никому не уступит своего доминирующего положения. В любом случае говорящий одновременно демонстрирует полный контроль над ситуацией, нежелание реагировать на речь оскорбителя, следовать предложенному им сценарию развития событий; указывает на отсутствие какой-либо обоснованности оскорбления, отношение к говорящему как к производящему бессмысленные высказывания, неспособность оскорбителя что-либо изменить в ходе и содержании разговора, отсутствие значимости сказанного и сказавшего в данной ситуации; проявляет способность к предвидению агрессивных реакций, умение бороться с коммуникативным шумом, заботу о последовательном восприятии окружающими своей речи. Повтором предшествующей фразы он говорит: «Кто бы и как меня и сказанное мной не оценивал, я остаюсь таким, какой есть, и говорю то, что считаю нужным, и так, как считаю нужным». В результате агрессор не только дискредитируется как участник коммуникативной ситуации, но и ставится в затруднительную позицию: повтор оскорбления и продолжение оскорбительного поведения становится неуместным. Действенность такой реакции обеспечивается игнорированием в сочетании с демонстрацией контроля обратной связи. Пресуппозиция повтора в данном случае содержит утверждение: «Я слежу за тем, как вы реагируете, слышу все, но замечаю лишь то, что считаю важным, а в данном случае существенна только моя речь». За границами ситуации это обозначает позицию говорящего, в соответствии с которой ему важно не только что-то сказать, но быть услышанным в нужном ключе, он формально ни на кого не собирается давить, а все сказанное должно быть принято в силу его исключительной ценности.

Каждая из перечисленных реакций может быть нацелена как на погашение конфликта, так и на его разжигание. Поэтому единый критерий оценки эффективности определить нельзя. В то же время для любой ситуации, в которой так или иначе реализуется речевая агрессия, актуальна категория победы, не связанная с категорией убедительности. Если в ситуации присутствуют наблюдатели, то победителем, независимо от характера поведения, может считаться тот участник, сторону которого они принимают. В ситуации же отсутствия наблюдателей, как, впрочем, и в ситуации безразличия к их мнению, при любом исходе победителем, равно как и проигравшим, может считать себя каждый из участников.

Любая реакция на речевую агрессию предполагает обязательное закономерное продолжение. Характер этого продолжения напрямую связан со степенью эффективности первой реакции. Конфликтная ситуация может тем или иным способом сворачиваться (извинение, игнорирование) или развиваться, уходя в бесконечность. Однако поскольку реакция на речевую агрессию является сама по себе формой в той или иной степени выраженной агрессии, набор типов продолжения развития коммуникативной ситуации со стороны агрессора тот же, что и описанный выше набор типов реакции со стороны объекта агрессии.

Таким образом, анализ всех проявлений речевой агрессии позволяет дать строго формальное определение, которое раскрывает ее коммуникативную суть и одновременно может служить четким критерием идентификации фактов речевой агрессии в практике общения. Речевая агрессия – это такая смена говорящим темы, которая отрицает саму возможность возврата к предшествующему течению разговора, предполагает упрощение, оборотничество, концентрацию, типизирование, доминирование и сакрализацию и которой сопутствует, по крайней мере, два из существующих субъективных признаков (отрицание социальной иерархии, оценка, нарушение дистанции, нарушение коммуникативных ожиданий).

Количество агрессии отражает количество и разнообразие конкурирующих сценариев. Чем больше сценариев сталкивается, тем больше агрессии. Таким образом, количество агрессии в социуме является прямым показателем активности процессов самоорганизации и разнообразия информационно-коммуникативного пространства. Поскольку речевая агрессия является следствием действия процессов самоорганизации информационно-коммуникативного пространства, общество без речевой агрессии существовать не может. Наличие же сегментов коммуникативного пространства, в которых речевая агрессия практически не заметна, объясняется либо хорошей маскировкой,

либо наличием коммуникаторов, способных гасить речевую агрессию, противопоставлять ее проявлениям коммуникативные формы, полностью ее деактуализирующие.

Делать это не сложно, т.к. у речевой агрессии нет в ней самой заложенной цели. Человеку, который стремится погасить ее, следует исходить в своих действиях не из наличия факта агрессии, а из того, какие условия коммуникативной ситуации к ней приводят. Если воспринимать агрессивную форму не как самостоятельную данность, а как одно из возможных проявлений стремления агрессора к какой-то внеположенной агрессии цели, агрессия исчерпывается сама собой. В этом отношении библейский принцип, согласно которому если тебя ударили по одной щеке, следует подставить другую, является идеальным средством погашения агрессии. В реальной коммуникативной практике в основном встречается противоположное: речевая агрессия воспринимается как имеющая своей целью оскорбить, унижить конкретного адресата, а не сменить тему, свернуть исчерпавшую себя реализацию сценария или перейти к реализации другого сценария, что порождает ответную агрессию, активизирует агрессивные цепные реакции, замкнутые в пределах ситуации или выходящие вовне, и тем самым увеличивает ее количество.

Если в социальном плане без речевой агрессии обойтись нельзя, то в личностном плане каждый конкретный человек, адекватно понимающий свою роль в самоорганизации информационно-коммуникативного пространства, может препятствовать ее нарастанию.

Количество речевой агрессии определяет и степень стабильности коллектива. Однако зависимость количества речевой агрессии и стабильности коллектива не является прямолинейной. Под количеством агрессии понимается не ее объем, хотя он тоже может иметь значение, а количество актуальных для данного коллектива непосредственных источников агрессивных действий. Кроме количества источников речевой агрессии принципиальное значение имеет включенность источников агрессии в конкретный коллектив. Если в рамках коллектива присутствует один источник агрессии, то это становится существенным фактором, определяющим стабильность коллектива. При этом источник агрессии – это человек или фрагмент мира, порождающий агрессию в отношении себя или кого-либо. Источником агрессии в этом случае далеко не всегда является объект, имеющий отрицательные, с позиции коллектива, характеристики, он может быть нейтральным или настолько положительным, что отторгается коммуникативными стереотипами. Единство источника агрессии за пределами коллектива также стабилизирует, объединяет коллектив.

Множество источников агрессии как в пределах, так и вне коллектива, напротив, разобщает, раскалывает, дестабилизирует его структуру, поскольку наличие или понимание в качестве таковых различных источников агрессии приводит к конфликту агрессоров и порождает агрессию между ее субъектами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, А. А. Стереотипы речевого поведения / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Русская речь. – 2011. – № 1. – С. 70-73.
2. Шунейко, А. А. Стереотипы речевого поведения / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Русская речь. – 2011. – № 2. – С. 58.
3. Шунейко, А. А. Стереотипы речевого поведения / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Русская речь. – 2011. – № 3. – С. 47-50.
4. Юрислингвистика: межвуз. сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001-2010. – Вып. 1-10.
5. Leech, Geoffrey N. Principles of Pragmatics. – London and New York, 1986.